

«с какою-то ученической манерой, с каким-то детским легкомыслием, от которых все исторические главы в романе становятся перефразою страниц какого-нибудь исторического учебника» [3, с. 250], Джеймсу, следуя канонам исторического романа нового времени, всё-таки удалось передать дух той далёкой исторической эпохи, органично вписав в повествование как реальных исторических лиц, так и вымышленных персонажей.

Библиографический список

1. Ellis, S. M. The Solitary Horseman, or The Life and Adventures of G.P.R. James / S. M. Ellis. – Kensington: Cayme Press, 1927. – 304 p.
2. James, G.P.R. Philip Augustus, or The Brothers in Arms / G.P.R. James. – London: Richard Bently, 1837. – 492 p.
3. Белинский, В. Г. Статьи и рецензии 1842–1843 / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – Т. VI. – М.: Изд-во АН ССР, 1955. – 798 с.

Даниленко Ирина Владимировна

канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет
иностранных языков, г. Минск, Беларусь)
irina_danilenko@yahoo.com

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РОМАНАХ МИШЕЛЯ ТУРНЬЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ» И «ЖИЛЬ И ЖАННА»

Доклад посвящен интертекстуальным параллелям, связывающим романы Мишеля Турнье «Лесной царь» и «Жиль и Жанна» в один авторский интертекст, благодаря которому у читателя складывается более объемное представление о героях обоих романов. К таким параллелям можно отнести общие мифологические мотивы и исторические источники, антитетическую коннотацию названий и имен, дуалистические представления о борьбе добра и зла и др.

Ключевые слова: интертекстуальные параллели; авторский интертекст; заимствования; мифологический мотив; интерпретация.

Вся действительность человека представляется постмодернизмом как текст, порожденный более ранними текстами и генерирующими тексты последующие, где знание обусловлено не историей развития человечества, а историей развития текстов. Литература как часть ментальности человека конституирует и утверждает этот процесс «диалога текстов». Интертекстуальная составляющая наилучшим образом передает идею децентрированного пространства человеческой истории и культуры, его ориентированность на текстовые источники и неизбежную включенность предшествующих текстов в последующие. Изучение интертекста – дело относительно недавней истории, но имеющей уже свои традиции и наработки. Несмотря на то, что с того момента, когда Ю. Кристева дала первое определение интертекстуальности, прошло совсем немного времени, теория интертекстуальности обогатилась целым рядом интерпретаций и уточнений в работах многочисленных авторов (Арнольд И. В., Москвин В. П., Пьеге-Гро Н., Степанов Ю. С., Фатеева Н. А., Gennette G., Gignoux A. C., Samoyault T.). При этом все они так или иначе подчеркивали, что интертекст подразумевает «отношения соприсутствия двух и более текстов и, чаще всего, включения одного текста в другой» (*relation de coprésence entre deux ou plusieurs textes et le plus souvent, par la présence effective d'un texte dans un autre* [1, p. 15]). Далее Ж. Женетт, уточняя способы заимствования

таких текстов, указывает, что это могут быть как эксплицитные формы (цитаты, плагиат), так и имплицитные (аллюзии).

Текстовый характер современного знания является следствием и одновременно условием интертекстуальности, понимаемой как процесс взаимопересечения текстов, их непрекращающийся диалог (М. Бахтин, Ю. Кристева), образующий ризоматическую сеть – интертекст. Причем интертекст может быть образован не только из чужих заимствований, но и из предыдущих произведений одного и того же автора. Опыт такого рода использования собственных текстов характерен и для французского писателя Мишеля Турнье (1924–2016). Авторские интертекстуальные включения позволяют писателю придать большую объемность реальным историческим персонажам, представить истину многогранной и сложной, нравственные ценности – относительными, а также вынести ряд серьезных духовных и религиозных вопросов в плоскость эстетического осмысливания.

Одной из существенных характеристик дискурса постмодерна является плюрализм моделей и культурных кодов, участвующих в создании текстов. Мифопоэтическая модель является одной из наиболее распространенных организующих моделей в художественной литературе. Именно к ней чаще всего прибегает в своих произведениях Мишель Турнье. Так, ключевым структурообразующим мифом, пронизывающим романы М. Турнье «Лесной царь» (1970) и «Жиль и Жанна» (1983) на всех уровнях является миф о людоеде (франц. – ogre, лат. – *ogrus*), который представляет собой своеобразный симулякр, заменяющий референциальную реальность. Мифологический мотив о безжалостном людоеде, пожирающем детей, который возник в греко-римской мифологии и перекочевал в Западную Европу, был весьма распространен в ранней средневековой литературе (древнегерманские легенды, старофранцузские сказки). В свое время он послужил И. В. Гете источником для создания баллады «Ольховый король» (1782), положенной на музыку композитором-романтиком Францем Шубертом в 1815 году. Будучи увлеченным германистом, Мишель Турнье без сомнения заимствует данный сюжет из гетеевской баллады, осмысляя ее в непривычном ключе. Тем более что текстовая природа «мифологических симуляков» создает благоприятные условия для их последующих интерпретаций, порождая все новые «интерпретации интерпретаций» с помощью самых разных культурных практик, обогащаясь новыми смыслами. В романе «Лесной царь» М. Турнье неожиданно связывает миф о людоеде (*l'ogre*), отсылающим к аду (*Orcus* – бог смерти в римской мифологии), нацизм и его человеконенавистническую сущность. И если баллада И. В. Гете повествует о загадочной смерти по воле таинственного людоеда только одного ребенка, то М. Турнье трансформирует легенду до неузнаваемости, заимствуя его событийную составляющую в недавней истории Второй мировой войны с ее концентрационными лагерями и школами гитлерюгенда, «похищавшими» и «пожиравшими» детей не поодиночке, а миллионами. М. Турнье очень убедительно показывает, как его герой Авель Тиффож с наслаждением позволяет этой неумолимой системе околдовать и поглотить себя. То же происходит и с невиннейшими и ангелоподобными существами, попавшими в цепкие лапы гитлерюгенда.

М. Турнье возвращается к мифологическому мотиву о людоеде спустя 13 лет после выхода «Лесного царя» в своем романе «Жиль и Жанна», где в образе людоеда, пожирающего детей, изображен знатный сеньор Жиль де Р (известный как Жиль де Монморанси-Лаваль (1404–1440), маршал Франции и сподвижник Жанны д'Арк). Жиль де Р был восхищен прямодушием, чистотой Жанны, ее ис-

крайней верой в свою божественную миссию. Гибель героини вызвала глубокую депрессию и деградацию личности Жиля де Ре. Удалившись от мира и королевского двора и уединившись в своем родовом поместье, он увлекся колдовством, алхимией и сатанизмом. Впоследствии был обвинен в многочисленных убийствах детей, содомии, ереси и казнен. Мифологический мотив о людоеде, пройдя сквозь цепочку предшествующих интерпретаций, а также интерпретаций самого Мишеля Турнье в романах «Лесной царь» и «Жиль и Жанна», приобретает дополнительный смысл благодаря обоим романам, образуя так называемый авторский интертекст (*автоинтертекст* – термин Фатеевой Н. А. [2, с. 91]). При этом речь в исследуемых романах идет не только об абстрактной сущности явления как такового, а о конкретных формах его бытия в мире на примере судьбы каждого из героев. Кардинальная для Турнье экзистенциальная проблема судьбы человека многообразно воплощена и в «Лесном царе», и в романе «Жиль и Жанна». В Авеle Тиффоже, главном герое романа «Лесной царь» воплощены такие существенные характеристики Жиля де Ре, как благородство духовных устремлений, приверженность к высшей справедливости, бескомпромиссность. Знакомство с каждым из персонажей расширяет восприятие другого. Нельзя не обратить внимание на библейскую и историческую коннотацию имени и фамилии главного героя романа: имя главного героя – Атель – персонаж Ветхого Завета, праведник, на которого «призрел Господь», невинная жертва братоубийства, первый праведник и мученик. Герою словно предназначено быть преследуемым со стороны современных Каинов, злобных и корыстных. Тиффож – 1) название угодий и замка Жиля де Ре, аристократа, снискавшего дурную славу людоеда и еретика; 2) *Tief Auge* – нем. глубокий (проницательный) глаз (взор). Обладая столь антитетичными с точки зрения оснований мифологизации именем и фамилией, главный герой с самого начала выглядит облеченным какой-то странной миссией: жертва и палач, людоед, спасающий детей от боли и страданий. Подобно Святому Христофору, который до встречи с Иисусом служил Дьяволу, Тиффож служил нацистам до того момента, пока случайно не подобрал у дороги умирающего еврейского мальчика Эфраима, благодаря которому он обретает реальное, а не символическое видение происходящего. Метафорический людоед (похититель детей, Лесной царь) Атель Тиффож, жертвуя собой ради спасения еврейского ребенка, спасает Христа в своей душе. И соответственно, спасенный Авелем (мучеником) малыш Эфраим спасает Тиффожа (людоеда из Кальтенборна). К сожалению, подобной метаморфозы не происходит с Жилем де Ре, поскольку он следует в противоположном направлении: от Бога к Дьяволу, хотя огонь его костра столь же искупителен, как тот, на котором сожгли Жанну д'Арк,

Из параллелей, связывающих оба романа, следует также упомянуть «дурную славу» Авеля Тиффожа и Жиля де Ре. Последний из них стал также прообразом герцога Синяя Борода в сказке Шарля Перро, впоследствии с Синей Бородой читатель сталкивается и в «Лесном царе» (у Авеля Тиффожа была лошадь по кличке Синяя Борода). В обоих романах М. Турнье размышляет над тем, как человек с благородными намерениями может превратиться в чудовище, а герой – в антигероя. По мнению автора, преступления Жиля де Ре могли иметь место только потому, что Жанну предали и по навету сожгли на костре, а злодеяния Авеля Тиффожа – по причине чрезмерного увлечения символической сутью событий своей жизни и нежеланием обращать внимание на реальное положение дел вокруг. По сути дел, общественные преступления становятся причиной личных трагедий,

рождая монстров, подобных Жилю де Ре или Авелю Тиффожу, однако вовлеченность в общественные преступления всегда заканчивается индивидуальной ответственностью. Мишелю Турнье абсолютно чужда однозначная и стереотипная трактовка этих категорий. В обоих романах они то вступают в своеобразный диалог, то вовлекаются в игру, то переосмысяются под воздействием эффекта кривого зеркала и инверсии.

Мысль об отсутствии четкого разграничения между добром и злом, лицом и изнанкой, равно как идея взаимодополняемости прекрасного и уродливого, бога и дьявола по принципу тезиса и антитезиса, служат теми параллелями, которые связывают оба романа в одном концептуальном автоинтертексте. Литература, философия, история и миф служат для М. Турнье многоэтажным зданием, в котором степень абстракции возрастает сообразно подъему на каждый новый этаж таким образом, что на последнем этаже сосредоточена метафизика, а на первом – личная история. На основе детальнейшей проработки сюжетно-образной составляющей каждого из двух романов Турнье показывает, как в Истории и жизни отдельного человека обнаруживаются мифологические элементы и как История и человеческая жизнь становятся мифом.

Библиографический список

1. Genette, G. Palimpsestes: la littérature au second degré / G. Genette. – Paris: Le Seuil, 1982. – 468 р.
1. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

Джумайло Ольга Анатольевна

*докт. филол. наук, доцент (Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия)
dzhumaylo@sfedu.ru*

СПИСОК В ПОЭТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются категория списка как компонента поэтики текста с точки зрения его формы и художественной функции.

Ключевые слова: список в художественном тексте, функция, поэтика.

Изучение списков в художественной литературе – сравнительно узкая часть академических исследований. Помимо увлекательной книги-конструктора о списках «Vertigo» Умберто Эко [2], в которой историк культуры предлагает и свое видение смысла списков в культуре, и сами тексты как семиотические «машины для сборки», можно отметить лишь несколько монографий [3, 4]. Интерес к спискам со стороны исследователей античности и средневековья разрушает наивное представление о том, что списки – примета нашего времени и часть ментальной оснастки современного автора и героя.

Разумеется, включение в повествование списка или длинного перечисительного ряда – это не только формальный и стилистический изыск, но и указание на смысловой каркас текста и авторскую аксиологию. Членность мира на значимые ценности, эмблемой которого выступает список, при выполнении культурно-исторических правил сочетаемости и последовательности может означать гармонию, упорядоченность и устойчивость провозглашаемого мира или,